

Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914—1915 гг.

Вадим Львович Агапов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса, докторант кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: agapov_vl@mail.ru

В статье анализируются публикации солдатских писем с фронта Первой мировой войны, печатавшихся в 1914—1915 гг. в дальневосточных газетах «Дальний Восток», «Далёкая окраина» (Владивосток), «Приамурье» (Хабаровск), «Амурский лиман» (Николаевск-на-Амуре) и «Эхо» (Благовещенск). Письма для публикации передавали в газеты те, кому они были адресованы — родственники и друзья фронтовиков. Редакция «Дальнего Востока» в обращении к читателям специально просила присылать полученные с войны послания, обещая обязательно вернуть письма владельцам после копирования «ввиду значительного общественного интереса таких документов».

В статье показана роль писем в военной пропаганде начального периода войны. Приводятся многочисленные цитаты из опубликованных в прессе рассказов солдат-приамурцев о войне, по которым можно проследить изменение отношения к войне, изменение её образа и образа врага-немца в сознании воинов осенью 1914 — весной 1915 гг. Особое внимание уделяется проблеме цензуры в отношении корреспонденции с фронта и причинам прекращения выхода писем в печать летом 1915 г. Публикация солдатских впечатлений не всегда показывала войну с парадной стороны. Это вызывало неудовольствие властей. После того, как весной 1915 г. русская армия начала отступать, цензура ужесточилась, и дальневосточные газеты перестали печатать солдатские письма.

Soldiers' letters from the World War I front in Far-Eastern newspapers of 1914—1915.

Vadim Agapov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: agapov_vl@mail.ru

The paper deals with soldiers' letters from the World War I front printed in 1914—1915 in Far-Eastern newspapers Dalny Vostok, Dalyokaya Okraina (Vladivostok), Priamurye (Khabarovsk), Amursky Liman (Nikolaevsk-on-Amur) and Ekho (Blagoveshchensk). The letters were delivered to newspapers for publishing by the addressees themselves: kin and friends of the front-line soldiers. The editor's office of Dalny Vostok purposefully asked the newspaper's readers

to send the messages received from the battlefield “due to significant public interest of such documents” promising to return the letters to their owners upon copying.

The paper shows the role of letters in war propaganda of the war’s beginning period. Numerous quotations from the stories of Amur soldiers about the war published in media are given allowing to track the change of attitude to the war, its image and the German enemy’s image in the warriors’ mind in fall 1914 to spring 1915. Special attention is given to the problem of censorship regarding correspondence with the front and the reasons of letter publishing cessation in summer 1915. Publishing the soldiers’ impressions did not always show the trappings of the war resulting in displeasure of officials. When the Russian army began stepping back in spring 1915, the censorship became more severe and Far-Eastern newspapers stopped publishing soldiers’ letters.

Keywords: World War I, Far East, Vladivostok, newspapers, letters from the front.

С началом Первой мировой войны Дальний Восток оказался самым удалённым от основных театров военных действий регионом Российской империи. Однако многие жители Приамурья и Приморья покинули свои дома и отправились в действующую армию. Периодическая печать Владивостока и других городов не могла пройти мимо этих событий.

Газеты разъясняли читателям причины войны, её «великие цели и задачи», создавали образ врага. Постоянными темами публикаций владивостокских «Дальнего Востока» и «Далёкой окраины» стали патриотические манифестации, отправление на фронт добровольцев и резервистов, их дальнейшая служба и ратные подвиги.

22 июля 1914 г., на второй день после того, как в городе стало известно о начале войны, журналист «Далёкой окраины» М. Вознесенский (писавший под псевдонимом Новиков-Сибирский) призывал «соединиться в одну великую нацию, сильную не только силой штыка и пули, но и готовностью умереть за отечество, непобедимую силой духа...» [9].

«Великий русский народ, — писала газета „Русский восток“, — великая русская армия будут бороться против могучих супостатов до последней капли крови... Нашей железной выносливой доблестной армии предстоит великий и трудный подвиг...» [2].

В августе 1914 г. первые эшелоны с добровольцами из Владивостока стали направляться на запад. В сентябре в городе началась мобилизация. «Далёкая окраина» сообщала: «Вчера с раннего утра на сборный пункт на Эгершельде стали являться запасные, многие из них в сопровождении родственников. На приёмном пункте царил полный порядок, и приём запасных производился быстро. Все чувствуют серьёзность переживаемого момента. Все стремятся попасть как можно скорее в действующую армию. Слёз совершенно незаметно» [29]. В другой статье газеты — «Проводы запасных» — более подробно рассказывалось о происходящих событиях: «Перед вокзалом, на площади, на улице, на перроне — всюду

необычайное для Владивостока оживление. Толпа гудит, как улей; одна за другой к подъезду вокзала подъезжают партии запасных... Всем хочется быть в этот час разлуки вместе, поэтому приходят целыми семьями. Бородачи несут своих ребятишек и шутят с ними, стараясь поднять настроение женщин. Причитанья, даже слёз не видно...» [31].

Всего в 1914 г. было мобилизовано 5115 тыс. чел. (в дополнение к 1423 тыс. чел. постоянного войска, находившимся на службе до начала Первой мировой) [8, с. 78—79], что позволило России вывести на театр войны самую многочисленную сухопутную армию. Полную цифру призванных всех категорий в Приамурском генерал-губернаторстве выявить пока не удалось [28, с. 12]. Однако из Приморской области, согласно отчёту военного губернатора А.Д. Сташевского, в 1914 г. «ушло свыше 30 тыс. запасных нижних чинов и несколько тысяч добровольцев» [22, с. 76]. Два года спустя, 3 июля 1916 г., газета «Дальний Восток» писала: «Во Владивостоке 3015 семей воинов. Пользуются пособием казны 5700 взрослых и 2112 детей» [30]. Это очень близко к официальным оценкам. По данным Особого присутствия по призрению семейств нижних чинов запаса, в августе того же 1916 г. в городе были зарегистрированы 3264 семьи солдат в составе 6059 взрослых и 2231 ребёнка в возрасте до пяти лет [28, с. 27]. Разумеется, это только приблизительные ориентиры, касающиеся общего числа горожан, добровольно или по военной мобилизации отправившихся в 1914—1916 гг. защищать Родину, «чьи права попираются озверелым врагом».

Первые приамурцы достигли фронта и вступили в бой в сентябре — октябре 1914 г. (кроме тех, кто проходил действительную службу до войны и участвовал в ней с самого начала). И в это же время во Владивосток стали приходить солдатские письма, которые в октябре появились на страницах местных газет. В «Дальнем Востоке» напечатали обращение к читателям с просьбой присылать в редакцию для публикации (с обязательным возвратом после копирования владельцу) полученные с войны послания, «ввиду значительного общественного интереса таких документов». Первые два письма появились в № 277 «Дальнего Востока» в конце ноября 1914 г. Последующие печатались нерегулярно, но достаточно часто в рубрике «Приамурцы на войне. Письма из армии». Они нумеровались латинскими цифрами, и за ноябрь — декабрь первого военного года всего было опубликовано 24 письма.

Когда мы говорим о солдатских письмах Первой мировой войны, нужно иметь в виду два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, согласно Временному положению о военной цензуре от 20 июля 1914 г., все почтовые отправления из местностей, находящихся на военном положении, проходили через военную цензуру [7, с. 49—50]. Приказ Верховного главнокомандующего от 31 октября 1914 г. запрещал офицерам и нижним чинам сообщать в письмах «сведения о ходе военных действий, расположении частей и другие данные, кои, по закону и по существу, не могут подлежать оглашению во время войны», добавляя, что

«отправка писем с такими сведениями, помимо нарушения служебного и внутреннего долга каждого военнообязанного, является сверх того и бесцельной», т.к. «те из них, кои содержат сведения, не подлежащие оглашению, конфискуются и не доставляются по назначению» [7, с. 58—59]. 8 декабря 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего предписал направлять все письма военнопленных из состава русской армии в цензуру и уничтожать те из них, в которых находятся благоприятные отзывы о жизни в Германии и Австрии [7, с. 61]. Таким образом, следует предположить, что до адресата могли прийти только письма с войны, написанные в достаточно бодром тоне и не содержащие сведений, подлежащих разглашению, равно как и положительных отзывов о противнике.

Во-вторых, сама публикация в газетах живых свидетельств участников войны встречала серьёзные трудности из-за цензуры. 28 января и 12, 20 и 26 июля 1914 г. было выпущено четыре редакции «Перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и её военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати, в речах или докладах... воспрещается» [7, с. 33—42]. Последняя редакция «Перечня» включала 25 пунктов. Запрещалось публиковать сведения об устройстве, составе, численности сухопутных и военно-морских сил, о расположении и передвижении всякого рода частей, о личном и командном составе частей и учреждений, об их вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии, санитарном обеспечении, о технических средствах и боевых качествах армии и флота, о состоянии крепостей и баз, железных дорог и прочих путей сообщения и линий связи, о потерях в личном и материальном составе, о волнениях среди жителей занятых русскими войсками областей и т.д. Уложение о наказаниях было дополнено статьёй, предусматривавшей за разглашение перечисленных сведений (в т.ч. посредством печати) тюремное заключение сроком от двух до восьми месяцев.

Главная военно-цензурная комиссия с самого начала войны занялась сочинением циркуляров, ещё больше ограничивающих диапазон информации для СМИ. Документы, оседавшие в канцелярии Приамурского генерал-губернатора, рисуют следующую картину. Вскоре после начала войны, 29 июля 1914 г., Главная военно-цензурная комиссия писала: «Несколько дней тому назад в повременной печати было опубликовано известие о том, что при бомбардировке Либавы многие германские снаряды не рвались... Принимая во внимание, что недостатки оружия и боевых припасов противника должны составлять особый секрет, Главный военно-цензурный комитет просит не отказать в зависящих сношениях с наблюдающими за печатью в пределах округа лицами для принятия с их стороны мер против проникновения в печать подобных сведений» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 37]. В циркуляре от 8 августа говорилось: «В газетах появляются заметки и телеграммы с театра войны, равно и о разного рода событиях, противоречащие сохранению военной тайны. Прошу предложить военным цензорам тщательно просматривать теле-

граммы и корреспонденции, присылаемые в газеты» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 38]. 28 августа по поводу заметки в одной центральной газете о герое войны, содержащей описание того, как немецкий пулемёт «скосил» целую полуроту, заявлялось: «Появление в печати подобных сведений, которые, хотя и не расходятся с действительностью, но могут угнетающе действовать на читателей, признаётся Главным управлением Генерального штаба нежелательным» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 57].

Чем дольше шла война, тем большую бдительность требовалось проявлять цензорам. 9 ноября начальник Главной военно-цензурной комиссии приказывал: «Последнее время периодической печати появляются статьи корреспонденции, дающие слишком много сведений пунктах боёв... и прочем, что слишком ясно обрисовывает нашу группировку. Подобные корреспонденции, безусловно, недопустимы» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 71]. Циркуляр от 29 января 1915 г. воспрещал «помещение в газетах частных корреспонденций и телеграмм о начинающихся действиях Восточной Пруссии, кроме официальных сообщений Штаба Верховного Главнокомандующего», предписывая предупредить редакции газет и строго наблюдать за исполнением распоряжения [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 92]. Военное и морское командование Российской империи (как и других стран, участвовавших в войне) не было заинтересовано в независимом освещении событий и фактически требовало от газет писать о войне только в объёме официальных сообщений Главного штаба. В результате, по словам современника, известного искусствоведа барона Н.Н. Врангеля, пресса периода Первой мировой напоминала «газеты конца XVIII века, когда в печать поступали лишь официальные известия, в сущности, не имеющие никакой цены и не дающие материала для какой-либо характеристики переживаемых событий» [1, с. 59].

Письма с фронта публиковались в газетах только в начальный период войны. В «Дальнем Востоке» они появлялись с ноября 1914 по январь 1915 г., а в «Далёкой окраине» немного дольше — до мая 1915 г. После такие публикации прекратились. В большинстве случаев письма печатались в газетах либо совсем без подписи, либо под псевдонимами, либо с обозначением инициалов, крайне редко указывались фамилии авторов. Поэтому в большинстве случаев нельзя соотнести эти свидетельства с конкретными людьми. Однако общее настроение, впечатление о войне они создают. Цель нашей статьи — проанализировать образ Первой мировой войны в письмах солдат-приамурцев, публиковавшихся в дальневосточных газетах конца 1914 — начала 1915 г.

Как уже говорилось, эти письма появились в № 277 «Дальнего Востока» за 1914 г. «Дорогие мои братцы! — писал автор первого. — Я в настоящее время жив и здоров, только ранен в левую ногу выше колена пулей. Рана моя неопасна и подживает. Нахожусь в городе Холме... До октября месяца пришлось быть в бою 13 раз (в августе и сентябре)... Начали драться за рекой Саном и бились день и ночь, не выходя из окопов до 11 октября. Меня ранило 11 октября рано утром... Такие жестокие бои

были, что жутко смотреть, и как Бог бережёт, подумаешь. Первый бой наш за рекой Бухтам. Сильное сражение было. Покинул неприятель орудия и много снарядов, и сухарей, и мяса, и табачку, чаю, сахару. Город Жолков брали... Потом повернули назад в Холмскую губернию... Наши две дивизии австрийских три корпуса разгромили и ихнюю артиллерию. Взяли в плен 1000 солдат, 1 генерала и врачей; забрали 34 орудия и погнали его опять в Австрию. Почти каждый день бой был и всё наша брала... Бои всё продолжаются... Всё поле устлано трупами» [22, с. 115—116].

«Дорогой товарищ! — так начиналось второе письмо (имя адресата в публикации опущено, автор обозначен как „А.Щ.“). — Я уже два раза был в бою. Первый раз 9 ноября в 25 верстах от Лодзи. Целый день шёл большой снег, и ничего не было видно. Мы целый день шли вперёд, и, когда мы рассыпались в цепь и прошли версты полторы, стал слышен визг пуль. Сначала было неприятно, но потом будто бы так и надо... Когда увидели, что и они бегут на нас, то я сначала было струсил, когда они были далеко, но когда сбежались, то я уже не помню, сколько их заколол, но, говорят, что трёх положил... Второй раз были в бою 11 ноября тоже под Лодзью, верстах в 40... Мы целую ночь стреляли, и на утро оказался целый сугроб немцев убитых... Я... увидел, что за трупами немцы роют окопы... Ротный приказал: „Вперёд“, и мы разбили их в пух и прах. Я даже двоих заколол и получил за это Георгия 4-й степени» [22, с. 116].

Хотя эти письма написаны в характерном для начала Первой мировой приподнятом тоне, они уже отражают впечатления солдат от ужасов войны («такие жестокие бои были, что жутко смотреть», «всё поле устлано трупами»). Несколько раз упоминаются военные реалии: окопы, свист пуль, штыковые схватки. Характерно, что оба автора в боях были ранены, хотя и легко.

В благовещенской газете «Эхо» также печатались солдатские письма под заглавием «Из писем благовещенцев с войны». Два из них были опубликованы в номере от 24 декабря 1914 г.

Автор одного, датированного 21 ноября, капитан Василий Козьмин, рассказывал, как был серьёзно контужен 12 ноября: «Холодно сидеть на позиции... Недалеко вправо виднеется деревня. Решили сходить погреться и попить чайку... Противник знал, что мы в деревне, и начал кидать туда своими артиллерийскими снарядами. Один из снарядов влетел в нашу хату, снёс череп солдату... ударился в печку и взорвался... Я потерял сознание, но вскоре очнулся... От следующих снарядов пришлось укрыться за домом...» [5].

Другое письмо написано 21 октября бывшим служащим благовещенского банка. В нём рассказывается о русском контрнаступлении под Варшавой: «Был ад. Рвётся шрапнель, трещат пулемёты, частый ружейный огонь, стоны раненых... Это письмо пишу вам на привале — остановились ночевать в деревне...». Далее автор описывал действия немецких аэропланов, бомбивших русские позиции днём и ночью, но причинявших больше беспокойства, чем вреда [5].

В газете «Дальний Восток» особенно много солдатских писем с фронта опубликовано в январе 1915 г. Некоторые из них бодры и полны оптимизма относительно возможности скорой победы.

«Вот уже месяц, как я нахожусь на войне. Был несколько раз в боях, но, слава Богу, остаюсь жив... Наше войско лучше ихнего, дух бодрый, выглядят молодцами. Мы много брали в плен у них, большей частью стариков и молодёжь... Наши потери были ничтожны сравнительно с немецкими... Дух русской армии превосходный... Кормят превосходно...» [23]. Встречались и воинственные письма. «Мы третий день отдыхаем в немецких окопах, выбили их из этих окопов штыками... Охота драться. Я сейчас привык, ничуть не страшно и не боязно... Пули летят, как град. У нас их не боятся, не страшно... Всем охота добратся до штыков. Как в штыки — немцы другие от страху падают и бегут куда попало. Тогда мы над ними злобу вымещаем... Наши офицеры с нами обходятся хорошо, как со своими товарищами шутят. На войне сильно весело жить... Бог даст, если вернусь, будет, что рассказать...» [25]. «Я... как пойду в атаку, так сразу беру в плен... Неприятеля бьют очень здорово...» [27].

В этих письмах — весь набор пропагандистских штампов из лубочных картинок военного времени. Дух русской армии «бодрый» и даже «превосходный», потери «ничтожные», у врага остались в основном старики и дети, которые боятся штыков и легко сдаются в плен. Во многих войнах выглядит как приключение («кормят превосходно», «жить сильно весело», «будет, что рассказать»), однако в письмах встречается и совершенно другой тон. Раненый под Лодзью солдат пишет домой (в «Дальнем Востоке» помещено 6 января под номером XXVII). «Милые родители! Не дай Бог, что здесь делается... Настоящий ад» [24]. Другой автор в письме, которое было опубликовано 16 января (хотя написано, очевидно, ещё поздней осенью), рассказывает о бытовых неудобствах войны: «...Я чувствую сильную усталость, так как постоянное недоедание и недосыпание дают себя знать. Спать приходится кое-где и кое-как, на соломе, не раздеваясь... Почти у всех насекомые, да и немудрено, когда постоянно находишься в грязи. Погода здесь стоит отвратительная, грязь непролазная, дождь и снег, который сейчас же тает...» [26].

Несколько писем с фронта появилось в газетах Николаевска-на-Амуре. Самое длинное из них опубликовано в «Амурском лимане» 1 марта 1915 г. Оно подписано инициалом «А.»: «Вот уже около 3-х месяцев нахожусь в таких условиях, что ежеминутно можно ожидать или смерти, или ранения, кроме того, были такие дни, что, казалось, всё пропало, прощай жизнь...» [19]. Автор подробно рассказывает об одном бое, в котором участвовал, по всей видимости, осенью 1914 г.: «Два батальона нашего полка... должны были сдерживать натиск превосходных сил неприятеля... Наши батальоны ещё ночью заняли позиции... Уже к 10 час. утра артиллерийское состязание достигло крайних размеров. Немецкая артиллерия буквально осыпала снарядами весь наш участок... Видимо, у них снарядов в изобилии... Около меня снарядом уб. 2 стр., 12 ран. и убило

3-х лошадей. Эта картина огня и смерти никогда не изгладится из моей памяти... Это целый ад... Но с другой стороны: тут же в виду самой смерти, подле трупов, сидит стрелок и греет воду на пепле разрушений... Я убедился в поразительной меткости немецкой артиллерии... Ночь прошла спокойно, но с рассветом заговорили пушки с необыкновенной силой... Немцы пошли в атаку и прорвались на правом фланге, где была другая часть... Батальонный командир был два раза ранен... Наше дело было бы совсем плохо, но на помощь подоспели два полка... Немцы не выдержали и побежали...» [19]. В письме описано также поле недавнего боя: везде кучи брошенного оружия и амуниции, во всех деревенских домах полно раненых: «Я прошёл места сражений на протяжении 6 вёрст и всюду трупы, трупы, трупы... Вообще это картина ужасная, и я впоследствии избегал смотреть поля сражений...». В другом письме этот солдат говорил: «Получать письма из России — единственное для нас удовольствие» [18].

Публикация такого откровенного рассказа о войне в дешёвой, печатавшейся очень малым тиражом, едва ли не на обёрточной бумаге николаевской газетке объясняется тем, что в городке с 14-тысячным населением не было цензора. Эти обязанности возложили на местного полицмейстера, который в 1914 г. просил освободить его от них, потому что «дело надзора за печатью, как весьма ответственное, требует сосредоточенного внимания, серьёзного отношения к себе, на что надо много времени и совершенно спокойное и свободное состояние, кроме того, нужно отличное знание специального закона» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2367. Л. 50]. Во Владивостоке же имелись инспектор по делам печати и военный цензор, которые такие «вольности» не допустили бы.

Не было отдельного цензора и в Хабаровске. Вероятно, благодаря этому стала возможной публикация 22 марта 1915 г. в газете «Приамурье» письма, написанного раненым офицером из варшавского госпиталя: «...У нас в полку, кроме меня, находятся ещё два бывших хабаровца-кадета С. (младший) и Ш., которые тоже ранены и эвакуированы в тыл армии. На позициях встретил нашего К., который мне сообщил, что Э.Г. убит: ему оторвало снарядом обе ноги. Из наших хабаровцев Н.Ч. убит, Валя З. попал в плен, брат его, Коля, сошёл с ума, а старший, Иннокентий, убит...» [17].

Очевидно, что чем дальше шла война, тем больше таких писем отправлялось с фронта. Некоторые из них, несмотря на цензуру, доходили до адресатов, и их публикация в прессе создавала невыгодное для властей впечатление о войне у читателей. Естественно, что газетная цензура стремилась это предотвратить.

В марте 1915 г. рубрика «Письма из армии» появилась во владивостокской «Далёкой окраине». Даже при беглом просмотре видно, что материалы, печатавшиеся газетой, прошли через гораздо более строгую цензуру, чем те, которые публиковал «Амурский лиман».

Многие авторы благодарят за подарки с Родины к Пасхе. Автор одного из первых таких писем (опубликовано 5 марта 1915 г.) делает это

несколько карикатурно: «...Я, как открыл Вашу сумочку, первым долгом закурил папироску, затем пересмотрел подарки, нашёл чай, сахар; сейчас же скипятил воды, напился чаю, а потом как умылся вашим мылом, так и помолодел...» [10].

В других письмах солдаты сообщали родным, что живы: «...Побывал во многих боях... Слава Богу, здоров. Хотя я и не дорожу жизнью, но всё же как-то приятно после такой войны остаться живым» [11]; «Скоро и нам предстоит боевое крещение, но об этом никто и не думает даже: все веселы, шутят, смеются...» [12].

11 марта 1915 г. во Владивостоке узнали о взятии австрийской крепости Перемышль. Город был разукрашен флагами, студенты Восточного института организовали патриотическую манифестацию. Данное событие на время оживило угасшие за зиму надежды на возможность скорой победы. Такое же влияние оно оказало и на армию: «9-го марта с самого утра установилась дивная погода, которая до этого была ужасная и нам надоела страшно... Теперь, после взятия Перемышля, начинается новая эра военных событий... Сегодня вечером идём снова в окопы. Чувствуем себя хорошо. Нужды нет...» [13]. Некоторые авторы изображают войну как праздник: «Все мы продолжаем путешествовать по Польше да колотим немцев... Ежедневно под вечер у нас обыкновенно наблюдаются игры, музыка, танцы, песни... Н. Зимин» [16]. Однако со временем во многих полученных редакцией «Далёкой окраины» письмах снова начинает чувствоваться усталость бойцов от окопной жизни: «Бесперывные бои... Нет такого более или менее важного дела, о котором пишут, где бы мы ни участвовали. Наш полк, вероятно, получит Георгиевское знамя... Я был очевидцем бегства немцев... Нервы у всех одеревенели. Мне кажется, что я на войне не 5 месяцев, а несколько лет. О конце никто не думает. Молча делают своё дело...» [14]; «Уже 5 месяцев болтаемся мы между жизнью и смертью в Польше... Настроение у нас — веселее не придумаешь; только в дождь мы угрюмы и молча отливаем воду котелками со дна рва окопов, чтобы... не заливала за голенища... Под носом у немцев стрелки пляшут под гармонику, громко поют песни сытыми, довольными голосами, в то время как из немецких окопов раздаётся: „ефрейтор, дай хлеба“... На первый день Пасхи у нас было довольно весело...» [15].

Весной 1915 г., когда под мощным напором немцев русские войска начали масштабное отступление, иллюзия быстрой победоносной войны растаяла, как весенний снег. В этот период на всей территории империи от Москвы до Владивостока, несмотря на ухищрения запущенной «пропагандистской машины», общественное настроение пошло на спад.

С окончанием весны и наступлением трагического для русской армии лета 1915 г. в условиях ужесточения и без того суровой военной цензуры владивостокские газеты перестали печатать солдатские письма. Живые свидетельства участников сменили пропагандистские корреспонденции, которые в «Приамурье» шли под заголовком «Письма с войны», а в «Дальнем Востоке» — «С кровавых полей».

Корреспондент «Приамурья», подписывавшийся «Г. С-в», в своих публикациях рисовал идиллическую картину жизни армии, в которой «солдатики» привыкли к войне, снарядов не боятся, «ни в чём себе не отказывают», сытный обед при штабе полка проходит «оживлённо и весело» [3], а немец «выдыхается и победа близка» [4].

Военные корреспонденции «Дальнего Востока» публиковались под псевдонимом «Приамурец». Весной данный автор, выдавая себя за участника военных действий, в каждом письме убеждал читателей в скорой победе российской армии, бравшей в плен в последнее время немецких женщин-солдат, т.к. мужчины в Германии давно закончились. «Немцы мобилизовали все силы, от старцев до детей, но этого мало. У них целые роты, полуэскадроны состоят из женщин...» [20]. Когда летом — осенью отступление на фронте стало очевидным, «Приамурец» забыл о «немках-солдатах», под натиском которых, очевидно, и должна была отходить на восток царская армия. Вместо этого он ярко и в деталях описывал якобы виденные им зверства противника, например, как немцы мучают раненых, попавших к ним в плен [21]. Цель таких публикаций, вероятно, заключалась в том, чтобы убедить население в необходимости продолжения начавшейся войны. Что это было именно так, хорошо видно и из других публикаций владивостокских газет, особенно «Далёкой окраины».

Осенью 1914 г. солдатские письма с фронта появились в российских (в частности, в дальневосточных) газетах, призванные подогреть интерес к европейской войне и увеличить тем самым доходы изданий, снизившиеся из-за уменьшения рекламы. В условиях ужесточения цензуры письма должны были играть ту же роль, что и лубочные картинки и распространявшиеся через официальные СМИ рассказы о баснословных военных героях типа Козьмы Крючкова. Первоначально письма вполне справлялись с этой ролью, изображая войну как цепь побед русского оружия и рисуя образ слабого и трусливого врага-немца. Однако уже в январе 1915 г. их настроение начало меняться: появились мотивы усталости от войны, больших потерь, жалобы на плохую погоду, тяготы затянувшейся окопной жизни. Вероятно, поэтому с началом Великого отступления русской армии весной и летом 1915 г. письма с фронта, равно как и все рассуждения о ходе войны, исчезли со страниц газет. Их место заняли сухие некомментируемые сводки Штаба Верховного Главнокомандования, местная хроника и статьи о дороговизне, дефиците продуктов и товаров первой необходимости, развитии спекуляции, положении беженцев и других темах повседневной жизни.

Это изменение общественного настроения отметил в январе 1916 г. в журнале «Вестник Европы» публицист и общественный деятель В.Д. Кузьмин-Караваев. «Читайте газеты разных лагерей и направлений... — писал он. — Теперь тоже каждый день пишут о войне...». Но «в общественном внимании судебные процессы, отчёты о театральные представлениях, известия о кражах и рассказы о занимательных уличных эпизодах, не говоря уже про сообщения о муке, о мясе, о дровах, о железнодорожных

непорядках, стали успешно конкурировать с известиями с театра военных действий... Личный интерес к событиям на войне даже увеличился... Но это тот интерес, который, давая единство забот, волнений и горя, людей скорее разъединяет... Тыл работает, но тыл перестаёт быть... активным. Обусловленные войной личные переживания увели людей в область интересов личного характера. На первом плане стоит в настоящую минуту какая-то вакханалия наживы... Тыл — это вся страна, и интенданты — все, кто покупает и продаёт... И эти „все“ рвут, и без всякого удержу. Цены... назначаются без всякого соотношения с чем бы то ни было... Постоянный и верный спутник алчности — разгул... Несмотря на утроившиеся цены на предметы роскоши, ювелиры и меховщики торговали перед праздниками так, как не торговали никогда... Рвачи сортом ниже отдаются азарту на бегах и наполняют собой места для развлечений» [6].

С началом Первой мировой в царское правительство с помощью цензуры, правил и циркуляров постаралось ограничить свободное освещение хода военных действий в периодической печати, мотивируя это необходимостью сохранить тайну и призывая журналистов набраться терпения и отложить все дискуссии до победы. Фактически прессе предлагали сосредоточиться на внутренних проблемах, поскольку считалось, что только они волнуют народ. Военного поражения Россия не потерпела, но война, о которой было запрещено писать, скоро стала чрезвычайно непопулярной в народе, видевшем в ней причину ухудшения своего положения. Уставшие от тягот окопной жизни, солдаты, до которых иногда доходили газеты из тыла, скоро перестали доверять буржуазным СМИ, не видя в них адекватного отражения событий на фронте. Возможности прессы по популяризации и пропаганде войны не использовались. Информационная политика Российской империи дала, в конечном счёте, обратные результаты. К началу 1917 г. газеты и журналы писали не о войне, а о наступающей разрухе и скором крушении самодержавия. Можно сказать, что, переключив внимание периодической печати на проблемы внутренней жизни, власть косвенно приблизила своё падение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914—1915 гг. СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 2001. 320 с.
2. Г. Владивосток, 23 июля 1914 г. // Русский восток. 1914. 23 июля (5 августа). С. 2.
3. Г. С-в. Письма с войны // Приамурье. 1915. 9 апреля. С. 2.
4. Г. С-в. Письма с войны // Приамурье. 1915. 3 мая. С. 2.
5. Из писем благовещенцев с войны // Эхо. 1914/1915. № 1782. 24 декабря (5 января). С. 4.
6. Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412—428.
7. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск: Харвест, 2003. 672 с.
8. Марков О.Д. Русская армия 1914—1917. СПб.: Изд-во «Галеев Принт», 2001. 160 с.

9. Новиков-Сибирский. На защиту родины // Далёкая окраина. 1914. 22 июля. С. 2.
10. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 5 марта. С. 2.
11. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 7 марта. С. 2.
12. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 13 марта. С. 3.
13. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 16 апреля. С. 3.
14. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 23 апреля. С. 3.
15. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 13 мая. С. 3.
16. Письма из армии // Далёкая окраина. 1915. 20 мая. С. 3.
17. Письма с войны // Приамурье. 1915. 22 марта. С. 2.
18. Письмо из армии // Амурский лиман. 1915. 22 марта. С. 3.
19. Письмо из действующей армии // Амурский лиман. 1915. 1 марта. С. 3.
20. Приамурец. С кровавых полей. Немки-солдаты // Дальний Восток. 1915. 12 апреля. С. 2.
21. Приамурец. Зверства немцев // Дальний Восток. 1915. 9 октября. С. 1.
22. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
23. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 4 января. С. 3.
24. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 6 января. С. 3.
25. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 8 января. С. 3.
26. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 16 января. С. 3.
27. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 23 января. С. 3.
28. Троицкая Н.А. Приамурский край в годы Первой мировой войны в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. С. 7–34.
29. Хроника. Мобилизация // Далёкая окраина. 1914. 17 сентября. С. 3.
30. Хроника. Разные известия // Дальний Восток. 1916. 3 июля. С. 2.
31. Чарина Е. Проводы запасных // Далёкая окраина. 1914. 19 сентября. С. 2.
32. РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Vrangeli' N.N. *Dni skorbi. Dnevniky 1914–1915 gg.* [Days of sorrow. Diaries of 1914–1915]. Saint Petersburg, Zhurnal «Neva», «Letniy sad» Publ., 2001, 320 p. (In Russ.)
2. G. Vladivostok, 23 iul'ya 1914 g. [Vladivostok, July, 23, 1914]. *Russkiy vostok*, 1914, July, 23 (August, 5), p. 2. (In Russ.)
3. G. S-v. Pis'ma s voyny [The letters from the war]. *Priamur'e*, 1915, April, 9, p. 2. (In Russ.)
4. G. S-v. Pis'ma s voyny [The letters from the war]. *Priamur'e*, 1915, May, 3, p. 2. (In Russ.)
5. Iz pisem blagoveshchentsev s voyny [From the letters of Blagoveshchensk residents from the war]. *Ekho*, 1914/1915, no. 1782, December, 24 (January, 5), p. 4. (In Russ.)
6. Kuzmin-Karavaev V. Voprosy vnutrenney zhizni [Issues of interior life]. *Vestnik Evropy*, 1916, no. 1, pp. 412–428. (In Russ.)
7. Lemke M.K. *250 dney v tsarskoy stavke* [250 days in the Tsar's General Headquarters]. 1916. Minsk, Harvest, 2003, 672 p. (In Russ.)
8. Markov O.D. *Russkaya armiya 1914–1917* [Russian army 1914–1917]. Saint Petersburg, "Galeya Print", 2001, 160 p. (In Russ.)

9. Novikov-Sibirskiy. Na zashchitu rodiny [To the Motherland's defense]. *Dalekaya Okraina*, 1914, July, 22, p. 2. (In Russ.)
10. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, March, 5, p. 2. (In Russ.)
11. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, March, 7, p. 2. (In Russ.)
12. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, March, 13, p. 3. (In Russ.)
13. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, April, 16, p. 3. (In Russ.)
14. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, April, 23, p. 3. (In Russ.)
15. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, May, 13, p. 3. (In Russ.)
16. Pis'ma iz armii [The letters from the army]. *Dalekaya Okraina*, 1915, May, 20, p. 3. (In Russ.)
17. Pis'ma s voyny [The letters from the war]. *Priamur'e*, 1915, March, 9, p. 2. (In Russ.)
18. Pis'mo iz armii [The letter from the army]. *Amurskiy liman*, 1915, March, 22, p. 3. (In Russ.)
19. Pis'mo iz deystvuyushchey armii [The letter from the field force]. *Amurskiy liman*, 1915, March, 1, p. 3. (In Russ.)
20. Priamurets. S krovavykh poley. Nemki-soldaty [From the bloody battlefields. German soldier women]. *Dal'nii Vostok*, 1915, April, 12, p. 2. (In Russ.)
21. Priamurets. Zverstva nemtsev [Barbarities of Germans]. *Dal'nii Vostok*, 1915, October, 9, p. 1. (In Russ.)
22. *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoy mirovoy voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy* [Amur Governorate General during World War I: period features, voices of contemporaries. Documents and materials]. Vladivostok, RGIA DV Publ., 2014, 280 p. (In Russ.)
23. Priamurtsy na voyne. Pis'ma iz armii [Amur region's residents at war. Letters from the army]. *Dal'nii Vostok*, 1915, January, 4, p. 3. (In Russ.)
24. Priamurtsy na voyne. Pis'ma iz armii [Amur region's residents at war. Letters from the army]. *Dal'nii Vostok*, 1915, January, 6, p. 3. (In Russ.)
25. Priamurtsy na voyne. Pis'ma iz armii [Amur region's residents at war. Letters from the army]. *Dal'nii Vostok*, 1915, January, 8, p. 3. (In Russ.)
26. Priamurtsy na voyne. Pis'ma iz armii [Amur region's residents at war. Letters from the army]. *Dal'nii Vostok*, 1915, January, 16, p. 3. (In Russ.)
27. Priamurtsy na voyne. Pis'ma iz armii [Amur region's residents at war. Letters from the army]. *Dal'nii Vostok*, 1915, January, 23, p. 3. (In Russ.)
28. Troitskaya N.A. *Priamurskiy kray v gody Pervoy mirovoy voyny v dokumentakh Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* [Priamursky Krai during World War I in documents of the Russian State Historical Archive of the Far-East]. *Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoy mirovoy voyny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy* [Amur Governorate General during World War I: period features, voices of contemporaries. Documents and materials]. Vladivostok, RGIA DV Publ., 2014, pp. 7–34. (In Russ.)
29. Khronika. Mobilizatsiya [Chronicles. Mobilization]. *Dalekaya Okraina*, 1914, September, 17, p. 3. (In Russ.)
30. Khronika. Raznye izvestiya [Chronicles. Diverse news]. *Dal'nii Vostok*, 1916, July, 3, p. 2. (In Russ.)
31. Charina E. Provody zapasnykh [Parting from the reserve]. *Dalekaya Okraina*, 1914, September, 19, p. 2. (In Russ.)